

ПОЗНАНИЕ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Когнитивные исследования

МОДЕЛИРОВАНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАКТИК: РУБЕЖИ ПОЗНАНИЯ¹

В.А. СУЛИМОВ

В основании познания лежит ощущение, или, точнее, *чувство интеллектуальной сопричастности*, которое возникает у субъекта под воздействием: (а) информационных потоков, (б) интенционально-мотивационного аспекта индивидуальной картины мира. Таким образом, познание есть процесс *осуществления себя* в условиях интеллектуального (информационного) пространства культуры. В форме познания человек осуществляет свою *проективность*, открывшуюся ему в ходе исторического осмысления себя-в-мире: «Проективность освобождает человека для возможно, и, перепоручаясь ей, он дает возможность быть миру и сущему как таковому»².

Проективность как свойство сознания (и как основание его бытия-в-культуре) имеет семиотическую природу. Являясь по своей онтологической сущности результирующим актом аутопойесиса (У. Матурана и Ф. Варела), процесс метафорического, метонимического, типологического (римейкового) переноса оказывается симметричным процедуре формирования индивидуально-ориентированных знаковых (тематизированных) областей, от структуры и качества которых напрямую зависят структура и качество индивидуальной картины мира. Более того, в современном мире интеллектуальные практики, представлявшие прерогативой элитарных социальных групп, становятся (под воздействием перманентно растущих информационных потоков) элементом повседневности, принадлежностью массового сознания, обреченного на их применение. Можно говорить об определенной «переструктуризации» социально-культурного пространства: «Постмодерн, осваивая рефлексивность как атрибут актуального жизнепроживания, тем самым ставит индивида перед необходимостью сделать обыденной свободу выбора – перед лицом вечности – своей культурной и онтологической идентичности»³. Вместе с тем вряд ли возможно выстроить свою «интеллектуализированную» идентичность без погружения в идеационное пространство современности, предоставляемое литературными текстами (научными, художественными, художественно-публицистическими). Литературные тексты стали, по сути, удобной площадкой репрезентации культуры, на которой «соседствуют» самые разные формы «дружости»⁴. Отличительной чертой современных литературных текстов является их не-дискретность, смысло-образная, контекстная детермини-

рованность. Часто литературные тексты организованы, тематизированы и имплантированы в *большие семиотические сгущения* (циклы, тематические группы, литературные империи и т.п.), имеющие, как правило, интеллектуально-массовый характер⁵.

Теоретическое понимание больших семиотических сгущений (дискурсивных, текстовых, визуально-символических), складывающееся в период «после» Ю.М. Лотмана под воздействием его идей⁶, обязательно включает в поле непосредственного рассмотрения антропологические и когнитивные аспекты «бытия знака». В условиях быстро меняющихся информационного и, соответственно, интеллектуального пространств, усиления их роли в формировании общепринятого направления развития национально-культурных образований и социальных групп, особую важность приобретает то, что объединяет индивидуальность и общество, сознание и деятельность: логико-когнитивный аспект моделирования интеллектуальных практик. При этом в процессе «прорастания» нового — интеллектуально-информационного типа социальности — возрастает не только информационная нагрузка на индивидуальное сознание, но и спонтанность «чистого Я» (его стремление к интеллектуальному выбору) как основополагающий тренд организации всей интеллектуальной (и шире — социально-культурной) деятельности, как фактор обоснования социальной роли индивидуума. Ф. Коплстон пишет о новом варианте прочтения идеи «чистого Я»: «В качестве спонтанной деятельности чистое Я не существует “для себя”. Оно начинает существовать для себя, как Я, только в интеллектуальном созерцании, посредством которого философ постигает в трансцендентальной рефлексии спонтанную деятельность Я»⁷. Преобразование интеллектуального субъекта (Я) в персонафицированный процесс предметного «думания» (субъект-в), конечно, напрямую связано с расширением области применения таких «укрупненных групп» интеллектуальных (интегрированных) практик, как образовательная, проектная, социально-культурная, информационная, текстовая деятельность и др. Возникает задача построения новой субъектно-ориентированной теоретической программы, включающей в себя (а) структуру интеллектуального пространства; (б) типы интеллектуальных практик; (в) логико-когнитивные способы и приемы построения приемлемых высказываний в рамках этих практик; (г) разработку отдельных, наиболее эффективных и вместе с тем универсальных, интеллектуальных практик как *методик* интеллектуальной деятельности. Необходимость такой программы очевидна, по крайней мере, для двух социальных институтов: образования и управления, демонстрирующих наибольшее несоответствие вызовам времени⁸.

В области подобного рода исследований сделаны серьезные шаги. Так, например, вслед за Э. Гуссерлем, К. Свасьян выделяет в качестве когнитивного ядра индивидуального сознания особое состояние — *Эпохе*, под которым понимается «опыт извлечения сознания из сознания, а точнее из знаний» или, иначе, феномен «чистой субъективности», представляющий собой «абсолютный горизонт сознания, тематизируемый в многообразии интенциональной жизни»⁹. Вместе с тем постулированный Э. Гуссерлем (вытекающий из идеи *Эпохе*) синтезирующий принцип «смысло-интенциональности», благодаря которому становится

ся возможным интеллектуальное самоосознание («бытие-в-сознании» или, по-другому, «бытие-в-культуре»), может быть осмыслен как исходный пункт построения интериоризированной субъектом системы интеллектуальных практик. Описывая феномен интеллектуального само-строительства, Э. Гуссерль писал: «...“бытие-в-сознании” есть абсолютно своеобразное “бытие-в”, а именно, “бытие-в” не в качестве реальной составной части, но как интенциональное, являющееся, и в этом смысле идеальное “бытие-в”, или, что то же самое, “бытие-в” как имманентный сознанию предметный смысл. Предмет сознания, оставаясь тождественным самому себе в текущем переживании, не проникает в это сознание извне, но заключен в нем самом как смысл, т.е. как *интенциональный результат* синтетической работы сознания»¹⁰. Учитывая «предметный» характер процесса *интеллектуального думания*, уместно вспомнить подход к осмыслению содержания и структуры интеллектуальных практик Г.П. Щедровицкого, показавшего иерархичный строй исторически формирующихся «познавательных задач» и «мыслительных операций». Они обладают внутренней динамикой — способностью образовывать в интеллектуальном пространстве бытия самовозобновляемые цепочки практик и целостные интеллектуально-деятельностные системы: «В процессе исторического развития новый объект — отношение, новая познавательная задача и средства ее решения — мыслительные операции и входящие в нее отношения сопоставления — отделяются от исходных задач и операций и приобретают относительную самостоятельность. Но, несмотря на это, они сохраняют с исходными задачами и операциями внутреннюю органическую связь и образуют вместе с ними как бы некоторую целостную структуру знания»¹¹. При этом можно с уверенностью утверждать, что вся парадигматически (и синтагматически) выстраиваемая структура знания имеет характер «иной» — виртуальной/знаковой — реальности, выступающей в виде «знания знака» и в этой ипостаси являясь не менее реальной для человека-в-культуре, чем «знание камня» или «знание дерева» реально для человека-в-природе: «“Знание знака” собирает другие формы существования знака — синтагматические и парадигматические — в целостность, объединяет и организует их. Но это объединение ни в коем случае нельзя понимать механически; оно осуществляется за счет того, что “знание знака” создает свою особую действительность — знак как *идеальный объект*, действительность, не сводимую к синтагматическим цепочкам и парадигматическим конструкциям значений и вместе с тем снимающую их и представляющую в виде единого объекта»¹².

Деятельностный тип символически ориентированных¹³ интеллектуальных практик основывается на онтологии бытия как *способа* деятельности, выстраивающего не созерцательный, а созидающий фронтير человеческой формы культуры, определяемый соразмерными в своей глобальности когнитивными задачами *понимания* и *моделирования*. Эти близкие по гносеологическим характеристикам процедуры (понимание существует всегда «для») глубинно связаны между собой и на уровне телеологического планирования, и на уровне механизмов реализации: «Можно сказать, что адресат условно принимает на себя функцию адресанта: воспринимая текст, он ведет себя так, как если бы он был его создателем. Понимание, таким образом, оказывается аналогичным мо-

делированию: мы представляем себе — проигрываем в нашем сознании — различные ситуации, которые могли бы быть соотнесены с полученным нами текстом, и затем выбираем из них подходящую, т.е. наиболее вероятную ситуацию»¹⁴. Идея ментального преобразования ситуации (индивидуальный, субъективный процесс) в интеллектуальную практику (социальный, объективный процесс) дает возможность обозначить несколько социальных типов интеллектуальных практик, имеющих, на наш взгляд, наиболее универсальное значение.

1. *Логико-эпистемологические практики* или практики построения системы знания (базовых тезаурусов), имеющие значение для обоснования индивидуального сознания как сознания *понимающего, ориентирующегося* в условиях перманентной интеллектуальной деятельности и информационной избыточности (абдуктивные, инсайтные, миметические, идеационно-систематические, например, выделительные, дистинктивные и др.) К ним относятся, как правило, текстоориентированные практики, основанные на текстовой деятельности (порождения, воспроизведения и понимания, прежде всего, наиболее интеллектоемких — литературных текстов).

2. *Герменевтические (интерпретационные) практики* (понимающие, собственно-интерпретационные, контекстные), основывающиеся на укорененных в практическую сферу философско-герменевтических системах и целостных философских подходах, пришедших из античной философии, средневековых толкованиях христианских канонических текстов, пост- и неокантианской европейской герменевтической традиции, философских и семиотических попытках анализа текста в XX в. (М. Фуко, Р. Барт, К. Леви-Строс, Тартуско-Московская семиотическая школа, Ж. Делез, Ж. Деррида и др.). Все эти практики, в той или иной степени, допускающие внетекстовую экспликацию смыслов, демонстрируют возможность синтеза нового знания, возникающего на «смысловых руинах» расчлененных текстов и/или интеллектуальных состояний сознания¹⁵.

3. *Моделирующие (креативные) практики* (схематические, проектные, системные). Они возникают из практических задач науки и искусства и представляют собой «отпочкование» устоявшихся идеационных символических систем (собственно наук, экономических и социальных институтов, интеллектуальной и массовой повседневности, реализации «прорывных» трендов интеллектуальной и культурной жизни и др.). Моделирующие (креативные) практики обладают социальной и информационной избыточностью и проходят в процессе реализации жесткий отбор, укореняясь (в социуме, в его исторической памяти) лишь в незначительной своей части.

4. *Художественные практики* (ассоциативные, образные, имеджинационные или воображающие). Присущи социуму (и индивидууму) в качестве обязательного сопровождения повседневности. Они, как правило, основываются на механизмах воображения и представления, преобразованных в особую предметную деятельность. Философские и социальные теории, научные, политические и экономические модели очень часто конструируются на основе трансформированных художественных практик, представляющих собой (благодаря высоким уровням метафоризации и концептуализации создаваемых текстов культуры) актуальный когнитивный «авангард» общества, ведущего

«интеллектуальную разведку» как вне человеческого Я, так и внутри него — в области индивидуального сознания, которое подвергается усиленному «само-исследованию», опережая целые направления интеллектуальных практик науки¹⁶.

Конечно, наиболее существенную, формирующую роль среди интеллектуальных практик играют логико-эпистемологические практики, позволяющие решать задачи высокого информационно-интеллектуального уровня (задачи формирования коллективной картины мира или Эпистемы) и потому имеющие явную социально-культурную ценность. Характер научного знания, его когнитивно-семиотическая «упакованность» («тип рациональности» по В.С. Степину) активно влияют на способ формирования индивидуальной картины мира и за пределами собственно сферы науки. Этого рода практик достаточно много, и их еще предстоит определить и классифицировать. В настоящей работе нам бы хотелось показать лишь возможный принцип такой классификации.

Начало иерархической классификации логико-интеллектуальных практик как основания интеллигибельного восприятия мира положено, на наш взгляд, А.Ф. Лосевым в классической работе «Философия имени» и может быть представлено как нестрогая градуальная оппозиция. Элементы этой оппозиции противопоставлены по трем признакам: онтологичности, способе формирования смысла (эйдетический, софийный или логический), гносеологичности (уровень «материализации» смыслов) и технологичности (явленные/не явленные способы языковой (текстовой) выразительности). Рассуждая об энергийной (общей) основе «развертывания мира» или (как мы бы сказали) *проекта картины мира* из одной первичной точки (симультанной и абсолютной) в сознании, А.Ф. Лосев показывает возможности описания большинства интеллектуальных практик на этой основе: «Развертывая эту точку в ее самовыражении, в ее энергиях, мы получаем то одно, то другое энергийное излучение. В свете какой-нибудь одной энергии мы обычно и рассматриваем сущность имени, отвлекаясь от всех прочих энергий. Расчленив, однако, эти энергии и значит дать разные способы конструирования сущности, ибо каждая категория таит в себе свои собственные, специфические связи и конструкции, которые интересно и представить во всей их специфичности»¹⁷. В силу бифуркационных особенностей индивидуального сознания выстроенная нами выше последовательность интеллектуальных практик может быть достаточно легко трансформирована по А.В. Лосеву. С учетом наблюдений за современными социально-когнитивными процессами и общего когнитивного характера современной социализации она принимает следующий вид:

- «состояние умного и сверхумного экстаза» — практика инсайта (высшая степень выражения эйдоса);
- «эйдетическое конструирование сущности» — теоретическое (метафорически-концептуальное) осмысление проблемы (феноменологическое и процессное выстраивание смысла или, по-другому, философствование) — абдуктивные практики, герменевтические практики;
- «логическое конструирование мифа» — выстраивание «топоса и схемы», «предметное» конструирование научной или научно-художественной концепции — художественные практики, моделирующие практики;

• «логос софии, логоса или факта» — целевое, технологическое и/или эмпирическое конструирование — идеационно-технологические практики, миметические практики, моделирующие практики, выделительные практики¹⁸.

Очевидно, что интеллектуальные практики могут повторяться на разных уровнях бытия интеллектуальной «энергии». Очевидно также, что в современную эпоху возникает потребность в тех интеллектуальных (в том числе — учебных) практиках, которые построены на культурно-лингвистической основе и способны создавать целостные вербально-ассоциативные миры. Важно отметить, что при всем разнообразии их формального представления основной платформой таких практик остается (все более актуализируясь) текстовая деятельность, включающая информационные, герменевтические и интеллектуально-коммуникативные аспекты. Преодолевая противоречия линейности и каузальности, нелинейные или континуальные («продолженные» в текст и гипертекст) интеллектуальные практики, существенно усиливают «понимающую способность» индивидуума. С высокой степенью вероятности к таким практикам мы относим выделительные (дистинктивные), абдуктивные (целевые, «приблизительные»), миметические (подражающие) и инсайтные (проникающие) практики, помогающие субъекту работать с большими массивами информации. Причем все они, по нашему мнению, имеют интересные исследовательские перспективы.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ В основу текста статьи положен доклад автора на пленарном заседании X Международной научной конференции «Семиозис и культура: интеллектуальные практики» (Сыктывкар, 30 – 31 июня 2013 г.)

² *Agamben G. L'uomo e l'animale.* – Torino: Bollati Boringhieri, 2002. P. 34.

³ *Румянцев О.К. Элита времени // Интеллектуальная элита в контексте русской истории XIX – XX вв. / под ред. Т.А. Пархоменко.* – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. С. 50.

⁴ *Шапинская Е.Н. Образ Другого в текстах культуры.* – М.: КРАСАНД, 2012. С. 42.

⁵ Здесь уместно вспомнить публицистические «философии» М. Веллера, «большие романы» и поэтические телеинсталляции Д. Быкова, псевдо-«вампирические» саги В. Пелевина и др. Их смысловой подтекст включен в саму коммуникативную форму презентации и практически не описывается традиционными литературоведческими (и, отчасти, лингвистическими) приемами.

⁶ Автором имеются в виду последние работы Ю.М. Лотмана начала 90-х гг. прошлого века (см., например: *Лотман Ю.М. Культура и взрыв.* – М.: Гнозис, 1992).

⁷ *Копстон Ф. От Фихте до Ницше / пер. с англ., вступ. ст. и примеч. В.В. Васильева.* – М.: Республика, 2004. С. 68.

⁸ Образование и управление в новую культурную эпоху составляют единую идеационную систему, призванную резко усилить интеллигентность повседневности. Однако понимание этого важнейшего социального феномена существенно отстает от потребностей социального развития.

⁹ *Свасьян К. Феноменологическое познание. Пропедевтика и критика.* 2-е изд. – М.: Академический проект; Альма Матер, 2010. С. 187.

¹⁰ *Гуссерль Э. Картезианские размышления / пер. с нем. Д.В. Складнева.* – СПб.: Наука; Ювента, 1998. С. 136.

¹¹ *Щедровицкий Г.П. Знак. Значение. Смысл.* – URL: <http://www.sbiblio.com>. 5. 04. 2013

¹² См. там же

¹³ Символически ориентированными и интенциональными можно считать абсолютное большинство интеллектуальных практик, а инстинктивно-рефлекторные и реактивные действия (например, навыки), по-видимому, не могут быть отнесены к интеллектуальным практикам, однако это утверждение настолько серьезно, что должно стать предметом специального разговора. Вместе с тем есть и внедея-тельность или созерцательные практики.

¹⁴ Успенский Б.А. *Ego loquens: Язык и коммуникационное пространство*. 2-е изд., испр. и доп. – М.: РГГУ, 2012. С. 126.

¹⁵ Современные герменевтические рассуждения часто проводятся в стилистике «условно допускаемого текста», когда реальная текстовая основа может отсутствовать, а некий контекст лишь предполагается.

¹⁶ Достаточно вспомнить классическую иницирующую роль И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, Ф. Кафки и Сальвадора Дали в становлении психоаналитических научных практик XX в.

¹⁷ Лосев А.В. *Из ранних произведений* / отв. ред. А.А. Тахо-Годи. – М.: Правда, 1990.

¹⁸ Там же. С. 184 – 185.

REFERENCES

- Agamben G.* L'uomo e l'animale. – Torino: Bollati Boringhieri, 2002.
Copleston F. От Фихте к Нитше. – Moscow: Respublika, 2004.
Husserl E. Картезианские размышления. – St. Petersburg: Nauka; Yuventa, 1998.
Лосев А.В. Из ранних произведений. – Moscow: Pravda, 1990.
Лотман Ю.М. Культура и взрыв. – Moscow: Gnozis, 1992.
Rumyantsev O.K. Elita vremeni // Интеллектуальная элита в контексте русской истории XIX – XX вв. – Moscow: ROSSPEN, 2012.
Шапинская Е.Н. Образ Другого в текстах культуры. – Moscow: KRASAND, 2012.
Shchedrovitsky G.P. Знак. Значение. Смысл. – URL: <http://www.sbiblio.com>. (Retrieved on April 5, 2013).
Swassjan K. Fenomenologicheskoe poznanie. Propedeutika i kritika. – Moscow: Akademicheskii proekt; Alma Mater, 2010.
Успенский В.А. *Ego loquens: yazyk i kommunikatsionnoe prostranstvo*. – Moscow: RGGU, 2012.

Аннотация

Интеллектуальные практики оказались обязательным элементом индивидуального сознания. Это обстоятельство можно считать результатом расширения глобального информационного пространства. Познание становится областью применения интеллектуальных практик. В статье делается попытка классификации интеллектуальных практик, построенных на системах постнеклассической логики.

Ключевые слова: интеллектуальные практики, информационное пространство, постнеклассическая логика.

Summary

Intellectual practices were mandatory element of individual consciousness. This fact can be considered the result of the expansion of the global information space. Cognition is an area of application of smart practices. This article attempts to classify intellectual practices built on the system of postnonclassical logic.

Keywords: intellectual practices, information space, postnonclassical logic.